

Оставить мирный слогъ
И, ѣдкой жолчію напитывая строки,
Сатирую возстать на глупость и пороки.

И чѣмъ же?—Тѣмъ, что сатирой можно нажить себѣ враговъ, а благодарность общества—плохая благодарность, ибо онъ, поэтъ, не вѣритъ благодарности. Вотъ заключеніе этого стихотворенія:

Нѣтъ, нѣтъ! *разумный* мужъ идетъ путемъ
инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ люд-
скимъ,
Не выставляетъ ихъ, но *сноситъ* *благонравно*,
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество;
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единый
Осиѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиною;
Межъ тѣмъ—какъ странны мы!—межъ тѣмъ
любой изъ насъ
Переименовать свѣтъ задумывалъ не разъ.

Подобныя мысли, безъ сомнѣнія, очень благо-
разумны и даже благонравны, но едва ли
онѣ поэтически-великодушны и рыцарски-вы-
соки... Благоразуміе не всегда разумность:
часто бываетъ оно то равнодушіемъ и апа-
тіей, то эгоизмомъ. Но вотъ еще нѣсколько
стиховъ изъ этого же стихотворенія:

Полезенъ обществу сатирикъ безпристраст-
ный,
Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
На ихъ дурачества онъ жалуется имъ:
То укоризнами возставъ на злодѣянье,
Его приводитъ онъ въ благое содроганье,
То ѣдкой силою забавнаго словца
Смиряетъ полыхи надменнаго глупца;
Онъ *нравовъ опекунъ* и *вмѣстѣ правды воинъ*.

Слививъ эти стихи съ приведенными выше,
легко понять, почему такое стихотвореніе,
даже если бы оно было написано и хорошими
стихами, не можетъ теперь читаться...

«На смерть Гёте» есть одно изъ лучшихъ
между мелкими стихотвореніями Баратын-
скаго. Стихи въ немъ удивительны; но сти-
хотвореніе, несмотря на то, не выдержано и
потому не производитъ того впечатлѣнія, ка-
кого бы можно было ожидать отъ такихъ чу-
десмыхъ стиховъ. Причина этого очевидна:
неопредѣленность идеи, невѣрность въ со-
держаніи. Поэтъ слишкомъ много и слиш-
комъ бездоказательно приписалъ Гёте, го-
воря, что

...ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта;
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ онъ
предѣлъ.

Прекрасно сказано, но не справедливо!
Не было, нѣтъ и не будетъ никогда генія,
который бы одинъ все постигъ или все сдѣ-
лалъ. Такъ и для Гёте существовала цѣлая

сторона жизни, которая, по его нѣмецкой
натурѣ, осталась для него terra incognita.
Эту сторону выразилъ Шиллеръ. Оба эти
поэта знали цѣну одинъ другому, и каждый
изъ нихъ умѣлъ другому воздавать должное.
Обидно видѣть, какъ люди, не понимая дѣла,
все отдаютъ Гёте, все отнимая у Шиллера...
Если ужъ надо сравнивать другъ съ другомъ
этихъ поэтовъ, то, право, еще нерѣшенное
дѣло, кто изъ нихъ долѣе будетъ владыче-
ствовать въ царствѣ будущаго;—и многіе не
безъ основанія догадываются уже, что Гёте,
поэтъ прошедшаго, въ настоящемъ умеръ
развѣнчаннымъ царемъ... Въмѣсто безотчет-
наго гимна Гёте—поэту слѣдовало бы охарак-
теризовать его, и онъ сдѣлалъ это только
въ четвертомъ куплетѣ, въ которомъ довольно
удачно схваченъ пантеистическій характеръ
жизни и поэзіи Гёте:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Слѣдующіе затѣмъ заключительные куплеты
слабы выраженіемъ, темны и неопредѣленны
мыслью, а потому и разрушаютъ эффектъ
всего стихотворенія. Все, что говорится въ
пятомъ куплетѣ, такъ же можетъ быть при-
мѣнено ко всякому великому поэту, какъ и
къ Гёте; а что говорится въ шестомъ, то ни
къ кому не можетъ быть примѣнено, за те-
мнотой и сбивчивостью мысли.

Теперь обратимся къ поэмамъ Баратын-
скаго. Въ нихъ много отдѣльных поэтиче-
скихъ красотъ; но въ цѣломъ ни одна не
выдержитъ основательной критики.

Русскій молодой офицеръ, на постоѣ въ
Финляндіи, обольщаетъ дочь своего хозяина,
чухончку Эду — добродушное, любящее,
кроткое, но ничѣмъ особеннымъ не отличное
отъ природы созданіе. Покинутая своимъ
обольстителемъ, Эда умираетъ съ тоски. Вотъ
содержаніе «Эды»,—поэмы, написанной пре-
красными стихами, исполненной души и чув-
ства. И этихъ немногихъ строкъ, которые
сказали мы объ этой поэмѣ, уже достаточно,
чтобы показать ея безотносительную неваж-
ность въ сферѣ искусства. Такого рода поэмы,
подобно драмамъ, требуютъ для своего со-
держанія трагической коллизіи,—а что тра-
гическаго (т. е. поэтически-трагическаго) въ
томъ, что шалунъ обольститъ дѣвушку и бро-
силъ ее? Ни характеръ такого человѣка, ни
его положеніе не могутъ возбудить къ нему
участія въ читателѣ. Почти такое же содер-
жаніе, напримѣръ, въ повѣсти Лермонтова
«Бѣла»; но какая разница! Печоринъ—чело-
вѣкъ, пожираемый страшными силами своего
духа, осужденнаго на внутреннюю и внѣш-